

Оригинальная статья / Original article

УДК 904

<http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-1-20-39>

ПЕТРОГЛИФЫ МЫСА ЛУДАРЬ (СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ): РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ 2016 г.

© Д.Е. Кичигин, А.М. Коростелев, А.В. Харинский

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. В ходе археологических работ на северо-западном побережье озера Байкал в 2016 г. археологическим отрядом Иркутского национального исследовательского технического университета было предпринято изучение петроглифов, расположенных у подножия мыса Лударь. Помимо двух известных пунктов с рисунками: Байкальское 23 и 14, осматривались все доступные скальные плоскости, находящиеся на берегу Байкала. В итоге был выявлен еще один пункт петроглифов, получивший название Мыс Лударь. Все петроглифы нанесены на скальную поверхность с помощью охры. Преобладают изображения в виде точек, пятен и линий, встречаются тамгообразные, зооморфные и антропоморфные изображения. Центральное место в композиции пункта 3 Байкальского 14 занимают три фигурки людей с вильчатыми головными уборами, интерпретируемые как «шаманы». Петроглифы местонахождений Байкальское 14, Байкальское 23 и Мыс Лударь на данном этапе исследований, опираясь, прежде всего, на художественные особенности изображений (простота и схематичность), можно отнести к «лесным» (или «таежным») петроглифам Прибайкалья и датировать в пределах широкого хронологического диапазона – в рамках позднего бронзового и раннего железного веков, что соответствует второй половине II – концу I тыс. до н. э.

Ключевые слова: северо-западное побережье озера Байкал, мыс Лударь, петроглифы, охра, сюжетные и стилистические признаки, антропоморфные изображения, зооморфные изображения, тамгообразные изображения, бронзовый век, ранний железный век.

Формат цитирования: Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., Харинский А.В. Петроглифы мыса Лударь (северо-западное побережье озера Байкал): результаты работ 2016 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 1. С. 20–39. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-20-39

PETROGLYPHS OF CAPE LUDAR (NORTH-WESTERN COAST OF LAKE BAIKAL): RESULTS OF WORKS 2016

© D.E. Kichigin, A.M. Korostelev, A.V. Kharinskii

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract. During archaeological work on the northwestern shore of Lake Baikal in 2016, the archaeological team of the Irkutsk National Research Technical University undertook the study of petroglyphs located at the foot of Cape Ludar. In addition to the two well-known points with drawings – Baikalskoe 23 and 14, all accessible rocky surfaces on the shores of Lake Baikal were inspected. As a result, one more site of petroglyphs was discovered, called the Cape Ludar. All petroglyphs are applied to the rock surface by using the ochre. Images predominate in the form of dots, spots and lines, there are tamga-shaped, zoomorphic and anthropomorphic images. The central place in the composition of location 3 of the Baikalskoe 14 is occupied by three figures of people with fork-like headdresses, interpreted as “shamans”. Petroglyphs of the Baikalskoye 14, Baikalskoye 23 and Cape Ludar at this stage of research, relying primarily on the artistic features of the images (simplicity and schematism) can be attributed to the “forest” (or “taiga”) petroglyphs of the Baikal region and to date within a wide chronological range – the Late Bronze and Early Iron Ages, which corresponds to the second half of II – end of I millennium BC.

Keywords: North-Western coast of Lake Baikal, Cape Ludar, petroglyphs, ochre, plot and stylistic signs, anthropomorphic images, zoomorphic images, tamga-shaped images, Bronze Age, Early Iron Age

For citation: Kichigin D.E., Korostelev A.M., Kharinskii A.V. Petroglyphs of Cape Ludar (Northen-Western coast of Lake Baikal): results of works 2016. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 1. Pp. 20–39. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-20-39

Введение

Летом 2016 г. участниками Северобайкальской археологической экспедиции Иркутского национального исследовательского технического университета (ИРНТУ) проводились раскопочные и разведочные работы в окрестностях с. Байкальское. Одной из задач экспедиции, помимо раскопок на городище-святилище Байкальское 2 и многослойной стоянки Усть-Рель (Байкальская), планового мониторинга известных археологических местонахождений в бухтах Богучанская и Балтаханова, было проведение работ по фиксации известных, но не опубликованных петроглифов мыса Лударь, а также выявление новых пунктов наскального искусства.

Целью настоящей статьи является ввод в научный оборот неопубликованных петроглифов мыса Лударь и их первичная культурно-хронологическая интерпретация. Осмотр уже известных петроглифов и поиск новых осуществлялись вдоль подножия мыса Лударь от села Байкальское до Лударской губы (рис. 1). Помимо двух известных пунктов (Байкальское 23 и Байкальское 14) осматривались все доступные скальные плоскости, до которых можно было добраться. В итоге был выявлен еще один пункт петроглифов, не известный ранее и впоследствии получивший название Мыс Лударь. На каждом местонахождении проведено копирование рисунков, описание и координирование их местоположения, фотофиксация.

История исследования северобайкальских петроглифов

Первые петроглифы на северо-западном побережье Байкала были открыты в 1978 г. в результате разведочных работ отряда археолого-этнографической экспедиции Института общественных наук БФ СО АН СССР под руководством А.Д. Цыбиктарова и Л.В. Тиваненко. Ими было обнаружено несколько местонахождений наскальных рисунков (Тиваненко, 1979).

Один из пунктов был открыт на вершине юго-восточной оконечности мыса Лударь, в 720 м на восток от с. Байкальское. Два разновременных рисунка нанесены на отвесную скалу, восточной оконечности утеса-площадки, на котором располагает-

ся городище-святилище Байкальское 1. Один из них был нарисован охрой и представлял собой дугообразную горизонтальную линию с вертикальными отростками на концах (рис. 2–2А). Другой петроглиф был прочерчен по лишайнику и изображал девушку, стоящую на солярном символе и держащую в руке ветку дерева (рис. 2–2В). По мнению А.В. Тиваненко, эта композиция напоминает образ Наран-Басаган (Шандангины Хундангины), которая согласно фольклору бурят, была за свою красоту взята небесными светилами на небо. Местонахождение получило название Байкальское (Тиваненко, 1990. С. 16–17). Размер скальной поверхности с рисунками составляет 1 х 2 м, она ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. В дальнейшем, в ходе паспортизации археологических объектов Северобайкальского района, проводившейся А.В. Харинским в 1987 г., памятник получил название Байкальское. Писаница II (Памятники археологии, 2011. С. 288).

На берегу северной оконечности мыса Лударь, в 1,57 км к северо-востоку от с. Байкальское, на большом валуне в 1978 г. А.В. Тиваненко зафиксирован еще один рисунок, получивший название Лударская пещера. Выбитый рисунок найден на одном из самых крупных валунов береговой полосы вблизи входа в пещеру и представляет собой систему соединенных овальных знаков или сцену идущих «цугом» лошадей с всадниками (Тиваненко, 1990. С. 16).

Несколько групп рисунков обнаружено А.В. Тиваненко на скалах северо-западного берега Лударской губы в местности Лударики. Им выделено шесть пунктов концентрации рисунков. Все они выполнены охрой и включают изображения птиц, крестов, пятен и т. д. Пункт 1 находится на стенах ниши, в основном на ее карнизе, первой от бухты скалы. Рисунки представляют три изолированные группы трудно читаемых изображений. Пункт 2 располагался в 50 м севернее пункта 1. Рисунки нанесены в основном на стенах грота и представлены изображениями людей, птиц, крестообразными знаками, овалами, пятнами и полосами. Пункт 3 локализовался в 150 м севернее пункта 2, на южной и северной сторонах утеса. Среди рисунков имеются изображения фигурок человека, пти-

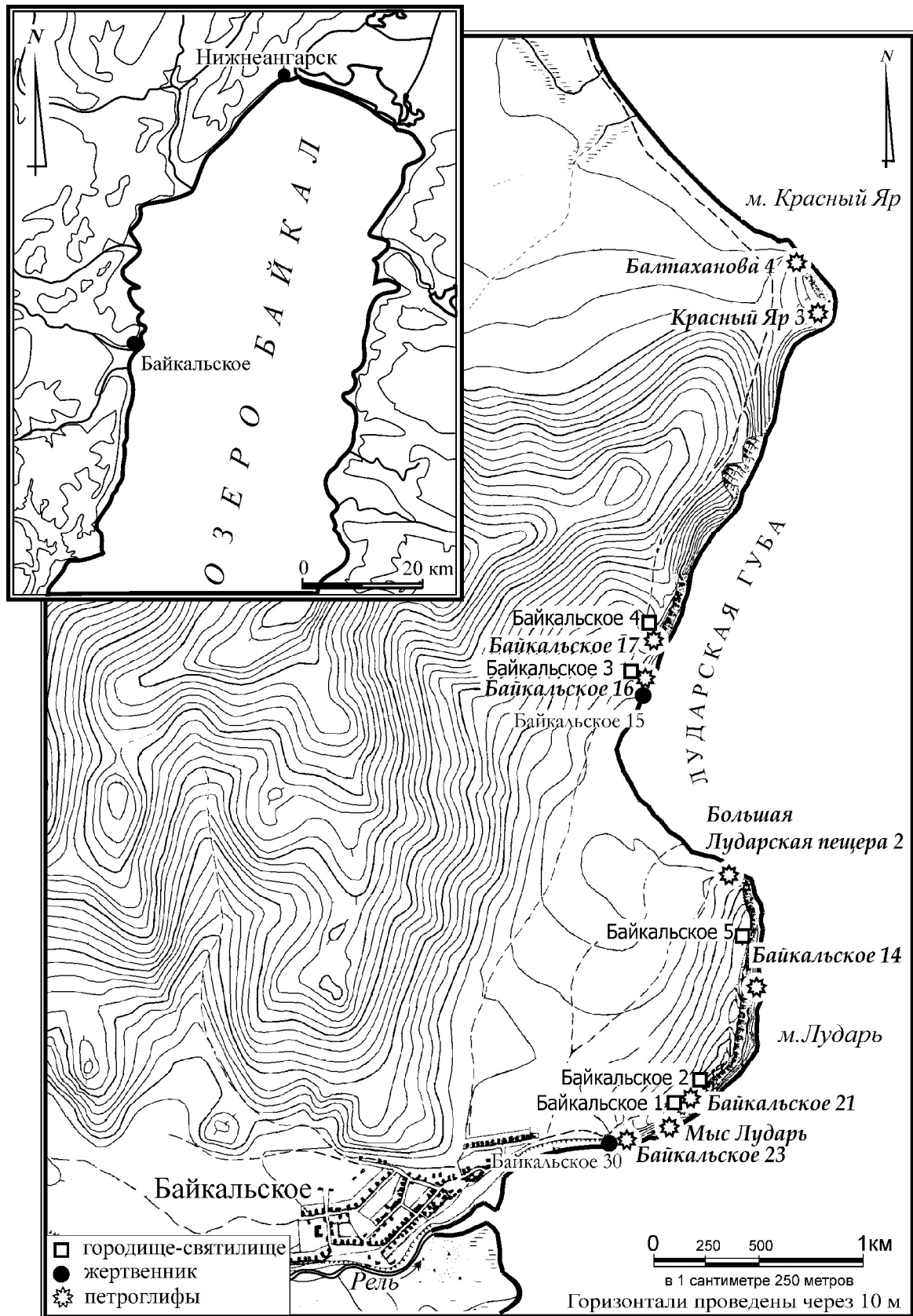
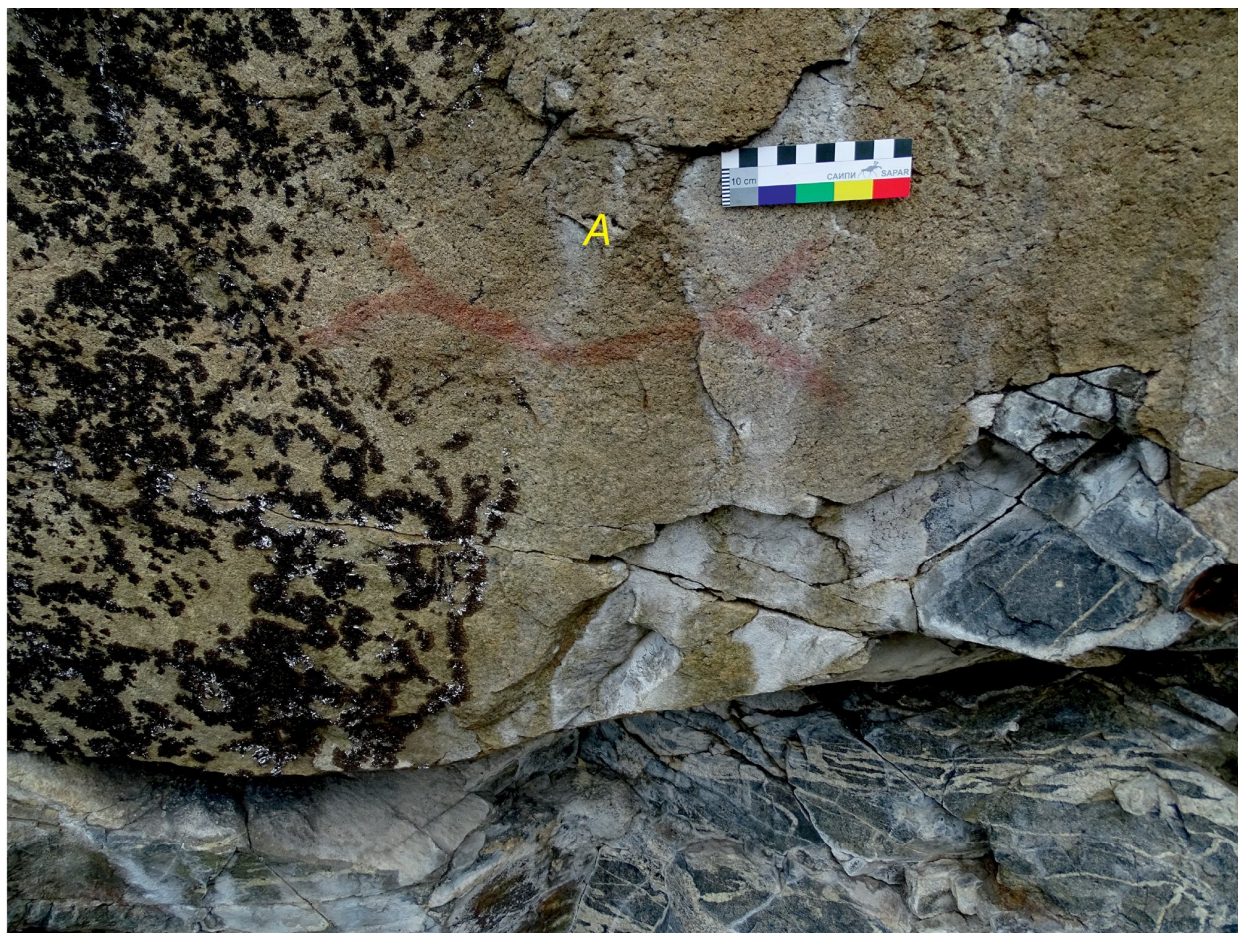
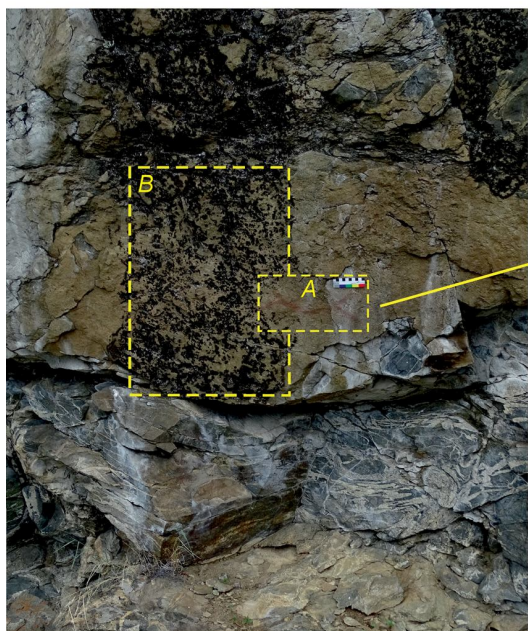

Рис. 1. Карта расположения петроглифов в окрестностях с. Байкальское (Северобайкальский район, Республика Бурятия)

Fig. 1. Map of the location of petroglyphs in the vicinity of the Lake Baikal (Severobaikalsky district, Republic of Buryatia)

1

2

3

Рис. 2. Петроглифы Байкальское 21: 1 – рисунок «А»; 2 – плоскость с рисунками «А» и «В»; 3 – местоположение петроглифов Байкальское 21

Fig. 2. Petroglyphs of the Baikalskoe 21. 1 – drawing “A”; 2 – a plane with drawings “A” and “B”; 3 – location of petroglyphs of the Baikalskoe 21

цы, крестообразные знаки, пятна, полосы (Тиваненко, 1990. С. 13–14).

Пункт 4 выявленных А.В. Тиваненко петроглифов Лударь располагается в 100 м к северу от пункта 3. На стенках высокой ниши нанесены пятна, вертикальные полосы, крестообразные знаки, фигура человека. Пункт 5 находится в 20 м севернее пункта 4 и чуть выше по его склону. В небольшой горизонтальной нише зафиксированы изображения птицы или креста и лошади (?), а также большой крестообразный знак и группа пятен. Пункт 6 локализуется среди обширного склона горного массива, простирающегося над Лударскими скалами. На вытянутом останце охрой нанесена вертикальная наклонная полоса (Тиваненко, 1990. С. 14–15).

В пункте 2, у стенки грота с петроглифами, А.В. Тиваненко заложен шурф 2 x 3 м. Расположение рыхлых отложений в шурфе нумеровалось снизу вверх: 1) пыль, мелкий щебень, мощность 5 см (слой VIII); 2) красно-желтая зола в виде линзы, мощность до 10 см (слой VII); 3) серая супесь, мощность 15 см (слой VI); 4) черная жирная супесь с плотным слоем щебня на нижней границе, мощность 40 см (слой V); 5) сероватая супесь, постепенно переходящая в черную, мощность 10–15 см (слой IV); 6) желтовато-серая супесь, мощность 5 см (слой III); 7) черная жирная супесь с большим процентом содержания угольков, мощность 10 см (слой II); 8) плотный слой серой супеси с большим процентом щебня разной фракции (слой I).

Собранная в V слое керамика (до 300 черепков) в процессе склеивания составила два отдельных сосуда, орнаментированных тремя горизонтальными треугольными в сечении наклепными валиками, шириной 7 мм, рассеченными наклонными вдавлениями. У наиболее полно сохранившегося сосуда верхний валик располагается в 0,6 см от края венчика. Второй валик находится в 2,2 см ниже первого, а третий – в 0,5 см ниже второго. Сосуд плоскодонный, дно диаметром 10 см. Диаметр венчика 20 см. Высота сосуда около 30 см. У второго сосуда верхний валик крепился по внешнему краю венчика. Второй валик располагался на 3,2 см ниже него, третий валик находился на 2 см ниже второго. Второй и третий валики на некоторых уча-

стках соединялись наклонным валиком, образуя тем самым длинные горизонтальные четырехугольники со скошенными боками (Тиваненко, 1979. Л. 17–19).

В слое IV найдены фрагменты тонкостенной керамики, на одном из которых отмечены сильно заглаженные «вафельные» оттиски; фрагмент толстостенной гладкой керамики с еле видимыми полосками, напоминающими отпечатки стеблей осоки (тонкие парные линии, тесно соприкасающиеся друг с другом). В слое III найдены фрагменты толстостенной керамики с тонким, прямым венчиком, украшенным у края небольшими ямками. Сосуд имел горизонтальный валик и полоски по тулову, по которым затем были нанесены вертикальные желобчатые линии, особенно четко видимые на венчике, образовывавшие на сосуде перекрещивающиеся косые линии. В слое II обнаружены фрагменты черной, с большими вкраплениями слюды, керамики с отпечатками, похожими на сетку-плетенку. В своде археологических памятников Бурятии жертвенник у скалы с петроглифами получил наименование Лударь 1 (Лбова, Хамзина, 1999. С. 148).

Еще до начала работ А.В. Тиваненко сборы подъемного материала у подножия скал, на которых обнаружены петроглифы, проводились Л.П. Хлобыстиным. В 1964 г. в 60 м к востоку от раскопа стоянки Лударская, в северной части Лударской губы в скальном гроте им найдена керамика тапхарского типа. В 60 м к северо-востоку от грота в обнажении 1-метрового берега Байкала обнаружены черепки эпохи бронзы и раннего железного века, а также кремневые отщепы (Хлобыстин, 1965). Находки у грота, сделанные Л.П. Хлобыстиным, совпадают по своему местоположению с локализацией жертвенника, раскопанного А.В. Тиваненко.

В 1987 г. А.В. Харинским при паспортизации археологических памятников Северобайкальского района пункты 4 и 5 петроглифов Лударь были объединены под названием Байкальское. Писаница I. Памятник расположен в 2,4 км к ССВ от с. Байкальское. Он приурочен к 50-метровой скале, вершину которой занимает городище-святилище Байкальское 4 (Памятники археологии, 2011. С. 289).

На острове Богучанский в 1978 г. А.В. Тиваненко выявил наскальные рисунки, выполненные охрой. Петроглифы отмечены в двух местах: на крупном валуне среди поляны в центре острова и на стенах небольшой ниши в скалах на юго-востоке острова. Среди рисунков фигуры птиц (чаек, орлов), горизонтальные пятна, полосы, овальные знаки. Наличие в композиции петроглифов с острова Богучанский овальной оградки в сочетании с фигурками разнополых людей связывает эти рисунки, по мнению А.В. Тиваненко, с селенгинскими писаницами Забайкалья (Тиваненко, 1990. С. 10–11).

Два антропоморфных петроглифа, солярные знаки и пятна, выполненные охрой, обнаружены А.В. Тиваненко на скале мыса Писаный Камень. Скопировать рисунки не удалось, ввиду сложного подхода к скале, поэтому исследователь зарисовал их с помощью бинокля (Тиваненко, 1990. С. 11). При этом исследователь замечает: «Что же касается ученых, то неоднократно проводившие в этих местах работы археолог П.П. Хороших, географ М.Н. Мельхеев и врач Я.М. Грушко утверждали, что никаких рисунков на скале нет. Мыс Писаный Камень, по их мнению, назван так потому, что на скале имеются естественные прожилки кварцитовых вкраплений, в целом напоминающие голову «старухи»» (Тиваненко, 1990. С. 12–13).

У подножия Лысой Сопки в пос. Нижнеангарске в 1978 г. А.В. Тиваненко отмечены рисунки, выполненные красной охрой и размещенные по всей площади скалы, преимущественно на высоте 1,5–3,0 м. На высоте 5 м зафиксированы рисунки в виде бесформенных пятен, широких и длинных вертикальных полос, фигурки птиц, антропоморфные фигуры (Тиваненко, 1990. С. 10). Автор указывает: «Рисунки здесь так сложны, замысловаты и загадочны ..., что специальная группа геологов Института земной коры СО АН СССР и археологов Иркутского университета не сумела отличить древние изображения от естественных железистых натек, выдав в конечном итоге официальный документ, опровергающий наличие изображений на Лысой Горе (Тиваненко, 1990. С. 77–78).

Характеризуя петроглифы северного побережья озера Байкал, А.В. Тиваненко относит их к

группе типичных «таежных» петроглифов бронзы – раннего железа, хотя в ряде случаев на них присутствуют и типично «селенгинские» сюжеты: орлы, человечки, ограды-загоны, пятна-точки и т. п. По мнению исследователя, появление этих петроглифов на байкальских берегах связано с распространением здесь представителей культуры плиточных могил. «Распределившись небольшими группами по периферийным степным оазисам на побережье Байкала, пришельцы-скотоводы в силу оторванности друг от друга не смогли противостоять чуждой им культуре таежных охотников, рыболовов и лесных собирателей» (Тиваненко, 1990. С. 80). Взаимодействие на рубеже нашей эры выходцев из Селенгинской долины – представителей культуры плиточных могил и местных жителей – предков эвенков привело к формированию «таежных» писаниц смешанного типа (Тиваненко, 1990. С. 81).

В 1986–1987 гг. археологические работы на Северном Байкале осуществлял Северобайкальский отряд Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета под руководством доцента В.В. Свинина и студента А.В. Харинского, получившего открытый лист на право проведения археологических разведок. В 1987 г. А.В. Харинским открыто местонахождение рисунков, выполненных охрой, в 0,4 км к востоку от с. Байкальское, у южного основания мыса Лударь. Памятник получил наименование Байкальское 23. Высота скалы с петроглифами около 25 м. Плоскости с рисунками находились в нижней части скалы и были ориентированы по линии СЗ–ЮВ. Петроглифы выполнены охрой и представлены несколькими пятнами, антропоморфной фигурой и рисунком, напоминающим цветок.

Снизу к скале примыкала 1,5-метровая пачка рыхлых отложений, включавшая археологический материал. Вероятно, это остатки жертвенника, сооруженного у священной скалы с петроглифами. На месте жертвенника в 1987 г. был заложен раскоп длиной 3 м и шириной 0,35–0,55 м. Им вскрыты следующие рыхлые отложения (сверху вниз): 1) серая супесь – 0,20–0,25 м; 2) гумусированный слой с редкими небольшими валунами – 0,33–0,36 м; 3) скальная крошка в светло-серой супеси – 0,60–0,67 м; 4) крупные валуны вскрыты на 0,20 м.

В первом слое на глубине 15–22 см найдены фрагменты костей животных и череп небольшой собаки. Во втором слое на глубине 20–48 см в гумусированном слое обнаружены фрагменты керамических сосудов с оттисками сетки-плетенки, украшенные сквозными отверстиями под венчиком, кремневые отщепы и фрагменты костей животных. Жертовник получил наименование Байкальское 30.

В 1990–2000-е гг. А.В. Харинский продолжил исследования на северо-западном побережье Байкала. В 1999 г. в районе с. Байкальское им выявлены два пункта петроглифов. Первый из них (Байкальское 14) обнаружен в восточной части мыса Лударь, второй пункт (Балтаханова 4) – с северной стороны мыса Красный Яр. На втором пункте под скалами с петроглифами в обнажении террасовидного склона собраны кремневые отщепы и фрагменты керамической посуды, украшенной «жемчужинами».

В ходе открытия и дальнейшего изучения археологических памятников Северной Бурятии их названия могли меняться. Связано это с попыткой унификации наименований всех археологических объектов, предпринятой Министерством культуры СССР в 80-х гг. XX в. Памятнику давалось имя ближайшего населенного пункта и присваивался порядковый номер. Отдельные номера закреплялись за различными типами археологических памятников (поселения, городища, могильники и т. д.). Предпринятая унификация лишь усложнила систематизацию археологических данных. Появились названия с длинными порядковыми номерами. Ведение раздельной нумерации, основанной на функциональном значении объекта, тоже не оправдало себя, а лишь запутывало исследователей. Обозначенные сложности привели к пересмотру названий некоторых археологических объектов в 90-е гг. XX в. В дальнейшем вновь выявленному памятнику присваивалось имя ближайшего географического объекта (гора, река, залив, населенный пункт и т. д.) и велась сплошная нумерация в независимости от его функционального назначения. В связи с этим петроглифы Байкальское (Байкальское. Писаница II), открытые А.В. Тиваненко в 1978 г., были переименованы в Байкальское 21;

Лударская пещера в Большую Лударскую пещеру 2; Лударь, пункты 4–5 (Байкальское. Писаница I) – в Байкальское 17; Лударь, пункты 1–3 – в Байкальское 16; жертовник Лударь 1 – Байкальское 15 (рис. 1).

В 2000-е гг. учителем истории Северобайкальской школы М.Н. Каримовой вместе с дочерью (Д. Каримова) в юго-восточной части мыса Красный Яр открыт еще один пункт петроглифов, где изображена «лодка» с парящим над ней «шаманом». Таким образом, на момент проведения экспедиции в 2016 г. на северо-западном побережье Байкала было известно 11 местонахождений петроглифов, открытых в 1978, 1987, 1999 и 2000-х гг. Все петроглифы, за исключением изображения девушки с ветвью дерева, прочерченного по лишайнику (Байкальское 21), нарисованы красящим красным веществом, интерпретируемым как охра. Петроглиф, изображающий девушку, в настоящее время практически утрачен. Пространство вокруг рисунка было затерто пальцами рук, что привело к стиранию со скальной поверхности лишайника, располагавшегося по контуру рисунка (рис. 2–2).

Методика работ

Методика фиксации петроглифов включала как методы апробированной полевой археологии, так и современные методы «проявления» наскальных рисунков в процессе цифровой обработки фотографий (рис. 3).

Полевая фотофиксация и зарисовка петроглифов. При обнаружении петроглифа в целях усиления насыщенности его цвета и возможного выявления других рисунков скальная поверхность поливалась водой в радиусе 1,5–2,0 м от выявленного петроглифа. Как оказалось, такой известный способ позволил выявить несколько петроглифов, не замеченных с первого взгляда на сухой скальной поверхности. После чего производилась фотофиксация скальной плоскости каждого пункта в отдельности с использованием масштабной рейки и указателя на север. Затем происходила фотофиксация каждого петроглифа в отдельности с применением масштабной линейки. Завершающим этапом фиксации рисунков было копирование их на полиэтилен при помощи быстросохнущего марке-

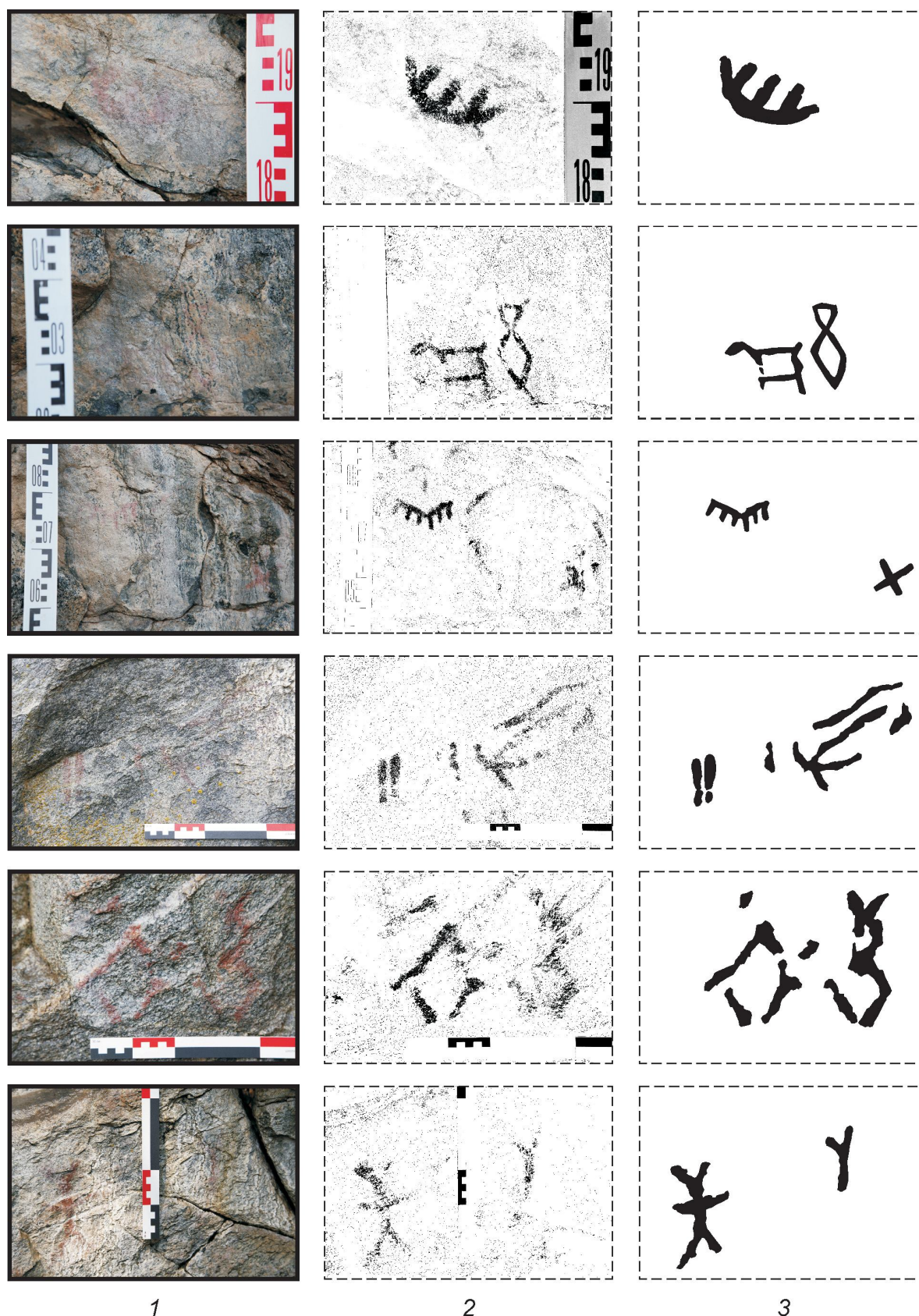

Рис. 3. Петроглифы Мыс Лударь и Байкальское 14. Фиксация рисунков: 1 – фотография петроглифа; 2 – грубая обработка фотографии с помощью Adobe Photoshop; 3 – натурное копирование петроглифа на полиэтилен
Fig. 3. Petroglyphs Cape Ludar and Baikalskoe 14. Fixation of drawings: 1 – photo of petroglyph; 2 – rough processing of photos using Adobe Photoshop; 3 – copying of petroglyph on polyethylene

ра/фломастера. На полиэтилене также отмечались направления и расстояния до других петроглифов.

Цифровая обработка фотографий. Этот способ «проявления» петроглифов был подсказан А.Н. Мухаревой при личной встрече на VII Международной научной конференции «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая», состоявшейся в г. Красноярске в 2016 г., за что авторы статьи ей очень благодарны. В самом общем виде этот способ выглядит следующим образом: после загрузки фотографии в Adobe Photoshop в режиме «RGB Цвет» увеличивается насыщенность цвета во вкладке «Тон/Насыщенность» (рис. 5–2), затем во вкладке «Смешение каналов» регулируется проявление (или исключение) того или иного источника канала. И последний этап – через вкладку «Кривые» путем выстраивания кривой на фотографии остается не явный, но вполне диагностируемый охристый рисунок.

Тем не менее, при общих принципах и подходах этого способа единого алгоритма «проявления» петроглифов, применимого абсолютно ко всем рисункам, авторам статьи выработать так и не удалось: качество изображений при едином ходе действий всегда было разным. Таким образом, каждый рисунок «проявлялся» по своему особому алгоритму – в процессе изменения и подборки регулировок на том или ином этапе.

Сравнение рисунков, полученных разными способами (натурного копирования и «проявления» в растровой графике), за редким исключением, качественной разницы не дало. В редких случаях цифровая обработка фотографии действительно позволила выявить некоторые элементы рисунка, не доступные глазу на момент его копирования с природы.

И последнее, что нужно особо отметить. И при первом (натурном копировании на полиэтилен), и при втором (цифровой обработке фотографии) способах получения рисунков все-таки решающим остается субъективное восприятие петроглифа. В качестве эксперимента еще во время натурного копирования рисунков один и тот же петроглиф копировался двумя исследователями (Д.Е. Кичигиным и А.М. Коростелевым). В итоге, повторяя эксперимент несколько раз на разных скальных плос-

костях, получалось два отличных друг от друга рисунка. При общей форме (или общих очертаниях) различия прослеживались в кривизне линий, цельности или фрагментарности тех или иных элементов, толщине охристых полос и др. Точно такие же различия отмечены как в ходе «проявления» петроглифа в Adobe Photoshop, так и в процессе перевода «проявленного» рисунка из растровой графики в векторную (CorelDRAW).

Можно только представить, какой будет масштаб и вариабельность интерпретации рисунка, выяви исследователь охристое пятно сверху, сбоку или снизу от антропоморфного изображения.

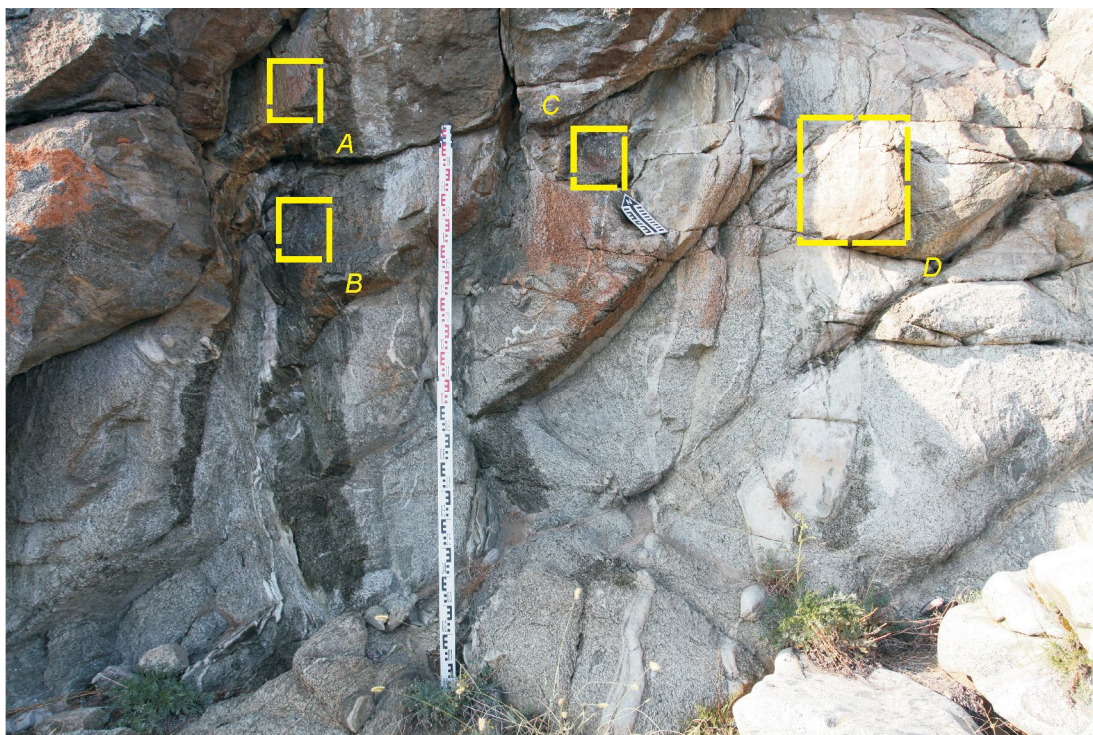
Байкальское 23

Местонахождение находится в южной части м. Лударь, в 0,4 км к востоку от с. Байкальского (рис. 1). Все петроглифы приурочены к естественной нише, в основании которой был раскопан жертвенник. Высота площадки жертвенника над уровнем Байкала составляет 7 м. Плоскость ниши вертикальная, ориентирована по линии ЮВ–СЗ, открыта к Байкалу (к юго-востоку). Всего выделено четыре изображения.

Первое из них – антропоморфный рисунок, на котором изображен человек с продолговатым предметом в руках (рис. 4–2А). Второе изображение состоит из трех наклонных полос/пятен (рис. 4–2В). Третье изображение – две параллельные полосы, нарисованные, возможно, пальцами руки (рис. 4–2С). И четвертое изображение включает несколько наклонных линий/пятен, закрытых с боков параллельными вертикальными полосами (рис. 4–2D). Возможно, средняя часть изображения утрачена. Последние три петроглифа как-либо интерпретировать довольно затруднительно.

Мыс Лударь

Местонахождение находится в южной части м. Лударь, в 0,7 км к востоку от с. Байкальского (рис. 1). Петроглифы обнаружены на плоскостях, приуроченных к небольшому по площади выступу мыса. Высота выступа над уровнем Байкала составляет 10–11 м. Выделено три пункта (плоскости) петроглифов. Все скальные поверхности открыты к юго-западу, плоскостями ориентированы по линии

1

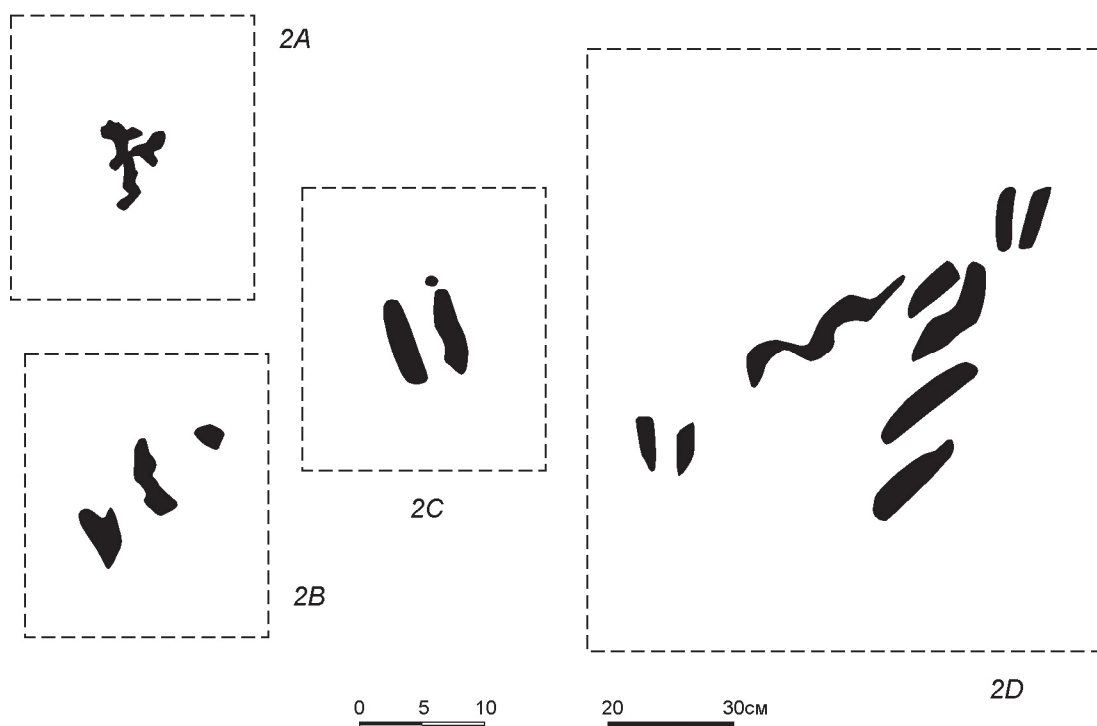
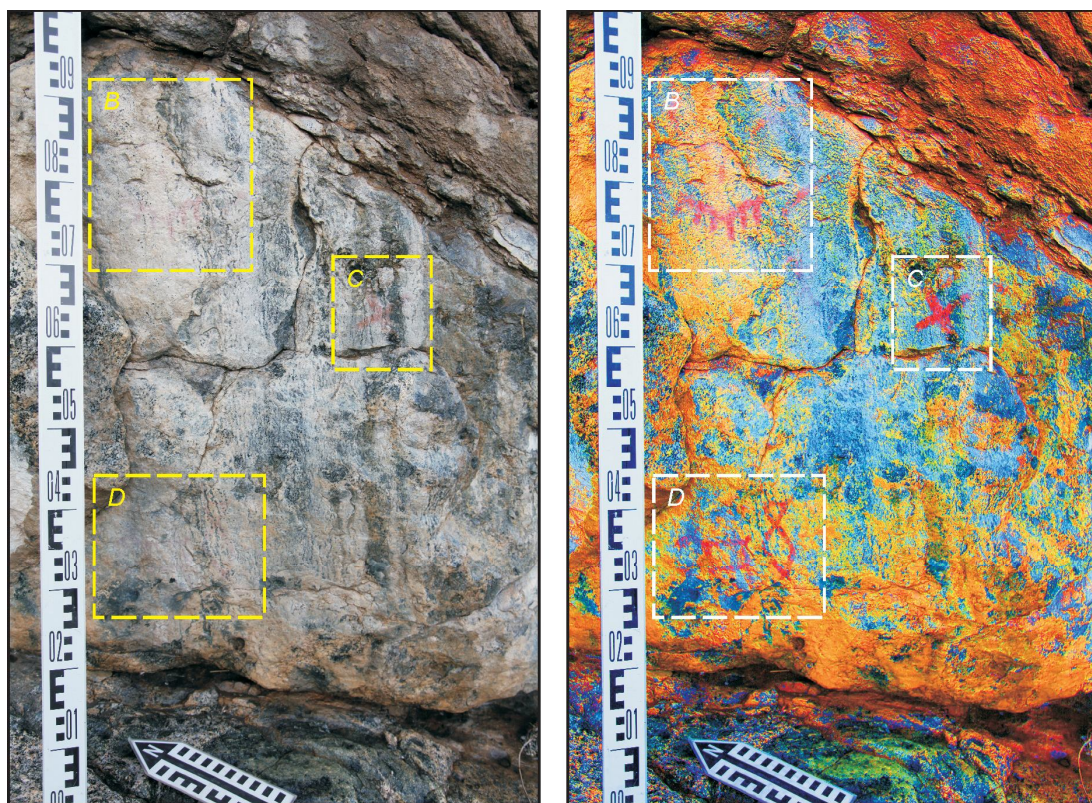
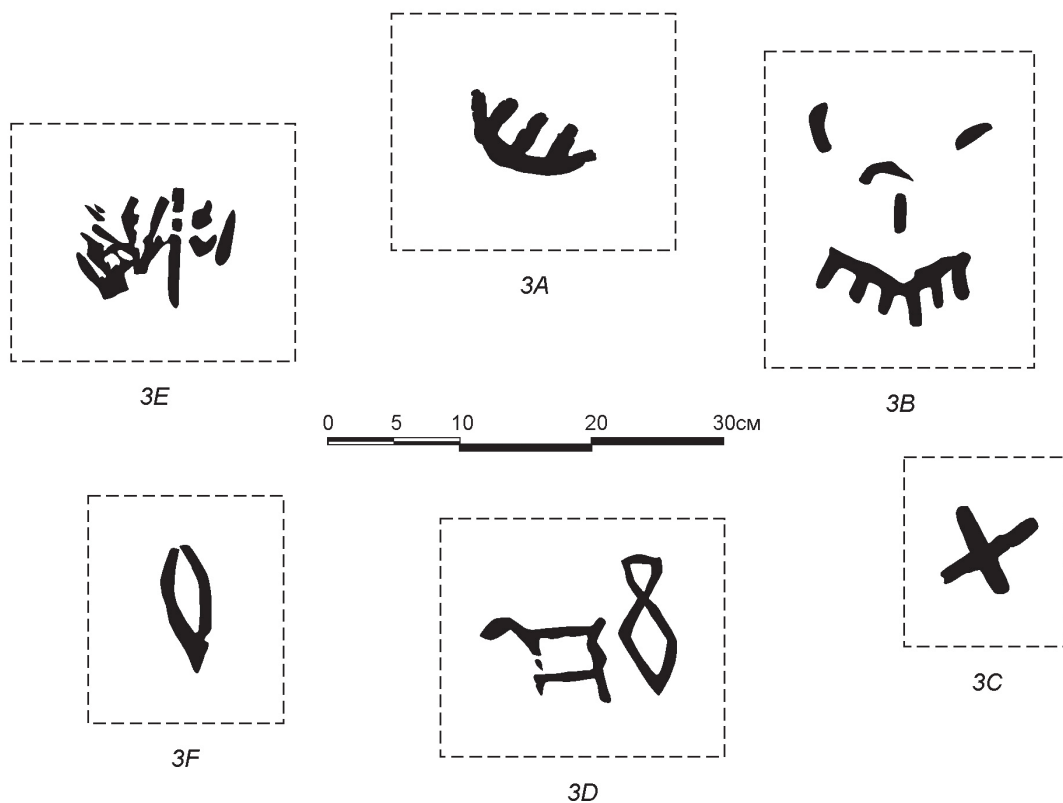

Рис. 4. Петроглифы Байкальское 23: 1 – фото скальной поверхности; 2 – петроглифы в нише жертвенника
 Fig. 4. Petroglyphs of the Baikalskoe 23: 1 – photo of a rocky surface; 2 – petroglyphs in the niche of the altar

1

2

3E

3A

3B

3C

3F

3D

Рис. 5. Петроглифы Мыс Лударь: 1 – фото скальной поверхности части пункта 1; 2 – обработка фотографии Adobe Photoshop (увеличение насыщенности цветом); 3 – петроглифы (A, B, C, D – пункт 1; E – пункт 2; F – пункт 3)

Fig. 5. Petroglyphs of the Cape Ludar: 1 – photo of the rocky surface of part 1; 2 – processing of the photos by Adobe Photoshop (increase in color saturation); 3 – petroglyphs (A, B, C, D – point 1, E – point 2, F – point 3)

ЮВ–СЗ, перпендикулярно линии берега. Первый пункт – скальная поверхность вертикальная, расположена у обрыва, один из петроглифов (крест) виден с берега. Второй пункт расположен в 4 м к северо-западу от первого, поверхность вертикальная. И третий пункт расположен в 5 м к юго-западу от второго пункта, петроглиф нанесен на каменную растрескавшуюся глыбу, выступающую из скалы, поверхность наклонная.

Пункт 1. Включает четыре изображения. Первое из них (вверху слева) – изображение лодки в виде дуги с тремя «человечками» (рис. 5–3А). Все элементы прорисованы однородной линией, возможно, пальцем руки. Второе изображение – личина (рис. 5–3В). Выражены глаза, подобие носа и линия рта с зубами. Первые два элемента получены по результатам цифровой обработки фотографии: в ходе натурной зарисовки петроглифа отмечена только подтреугольная дугообразная линия с отходящими от нее шестью короткими лучами (в последствии – линия рта). Третье изображение – крест (рис. 5–3С). И четвертое изображение – тамгообразный знак, состоящий из двух близкорасположенных элементов (рис. 5–3D). Первое из них (слева) – изображение животного (лошади, овцы или др.?) с прямоугольным телом, головой ориентированной на ССЗ, не в сторону Байкала. Второе изображение – восьмеркообразное, более напоминающее рыбу, расположенную хвостом кверху.

Пункт 2. Включает один петроглиф, состоящий из зигзагообразных перемежающихся линий (рис. 5–3Е). Рисунок сложно как-либо интерпретировать.

Пункт 3. Включает также один петроглиф. Это изображение, состоящее из двух дугообразных линий, расположенных вертикально, зеркально друг к другу и соединенных концами (рис. 4–3F). Однозначно не интерпретируется. Возможно, остальные элементы утрачены.

Байкальское 14

Местонахождение находится в восточной части м. Лударь, в 1,7 км к северо-востоку от с. Байкальского (рис. 1). В 15 м к западу от уреза воды, у подножия мыса, в основании, имеется скальный выход с небольшим гротом (нишей) и крутой зем-

ляной осыпью перед ним. Подход к нему осложнен густой зарослью кустарников и поваленными деревьями. Скальная поверхность вертикальная, ориентирована плоскостью по линии Ю–С, открыта к Байкалу (к востоку). Петроглифы зафиксированы на 5–6-метровых гипсометрических отметках как в самом гроте (пункт 2), так и по обеим сторонам от него – к югу (слева от грота – пункт 1) и к северу (справа от грота – пункт 3).

Пункт 1 (к югу от грота). Включает две основные локации рисунков. Первая из них состоит из двух вертикальных параллельных линий и изображения животного (рис. 6–2А). У последнего главным образом сохранилось туловище, разделенное по длинной оси линией примерно пополам. Выражены: выпуклый живот, прогиб спины с холкой, хвост и задняя нога, которая по отношению к длине туловища выглядит очень короткой. Элементы передней части (голова и передние ноги), к сожалению, утрачены. Восстановить их по результатам цифровой обработки фотографии не удалось. Вторая локация петроглифов представлена четырьмя короткими линиями/пятнами, не образующими какой-либо определенной формы (рис. 6–2В).

Пункт 2 (в гроте). Включает четыре группы/локации изображений. Первая из них – две вертикальные параллельные линии, нарисованные как бы на своде грота (рис. 7–2А). Вторая группа – два пятна, не образующих какой-либо формы (рис. 7–2В). Третья группа включает два основных изображения. Это две вертикальные параллельные линии с точкой и изображение в виде петли, зафиксированное в виде коротких линий/пятен (рис. 7–2С). В четвертой группе помимо отдельных аморфных пятен выделяется изображение, отдаленно напоминающее тамгообразный знак, который состоит из двух близкорасположенных элементов: ромба (слева) и буквы «З» с насечкой на верхней петле (справа) (рис. 7–2D).

В гроте также зафиксирована современная надпись, нарисованная красной краской «С.В.Ю. 1988 г».

Пункт 3 (к северу от грота). Включает 12 локаций петроглифов. Центральное место в компо-

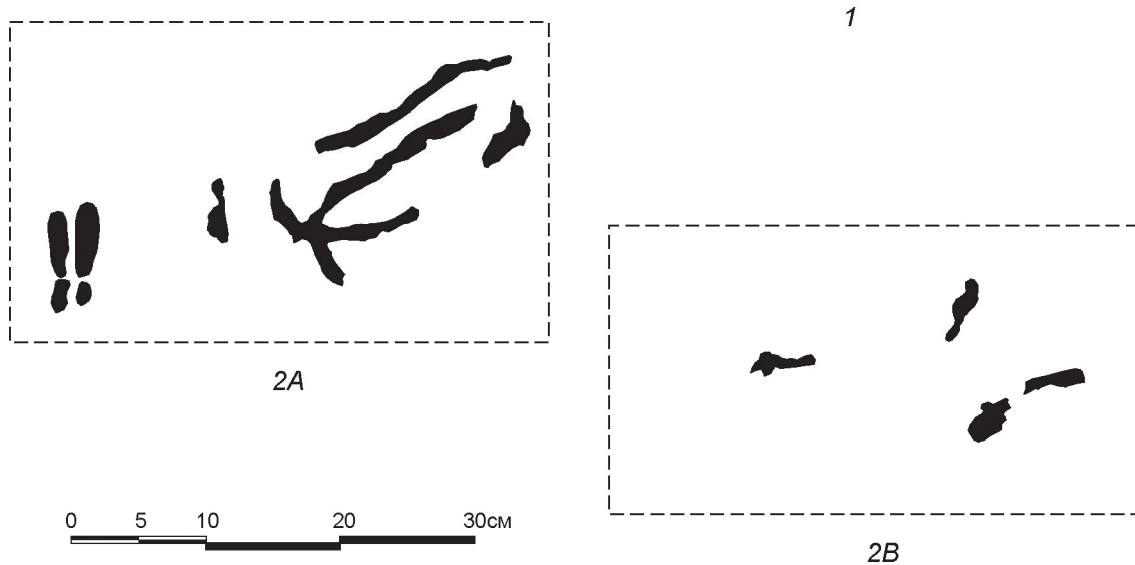
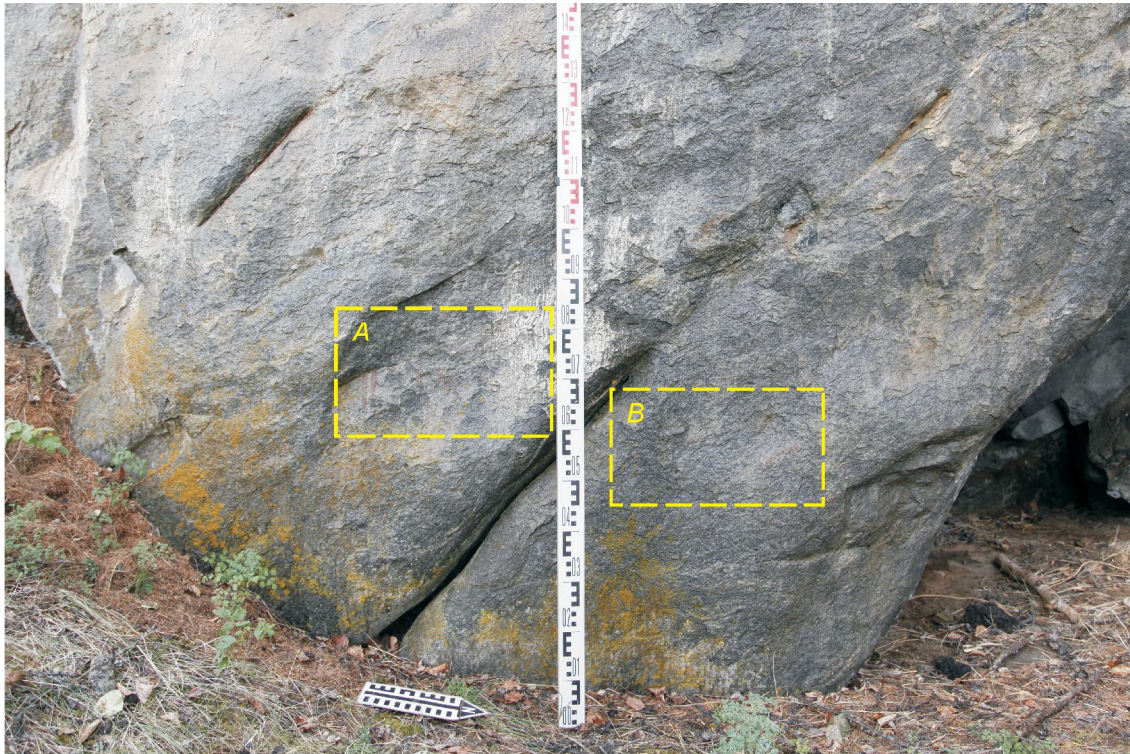

Рис. 6. Петроглифы Байкальское 14 (пункт 1, слева от грота): 1 – фото скальной поверхности; 2 – петроглифы
Fig. 6. Petroglyphs of the Baikalskoe 14 (point 1, to the left of the grotto): 1 – photo of the rock surface; 2 – petroglyphs

зиции занимают три антропоморфных изображения – изображения людей с вильчатыми головными уборами, интерпретируемые как «шаманы» (рис. 8–2F, H, I). У первого из них в правой руке какой-то продолговатый свисающий предмет (рис. 8–2F). У двух остальных руки разведены в стороны.

Помимо этих изображений фиксируются вертикальные линии (1, 2 и 4 в группе) (рис. 8–2A, B, C, E, H, J), линии, образованные в Т-,V- и Y-формы (рис. 8– 2A, B, I, L), отдельные точки и пятна (рис. 8–2A, D, G, I), изображение петли с двумя разведенными концами (внизу композиции) (рис. 8–2K).

1

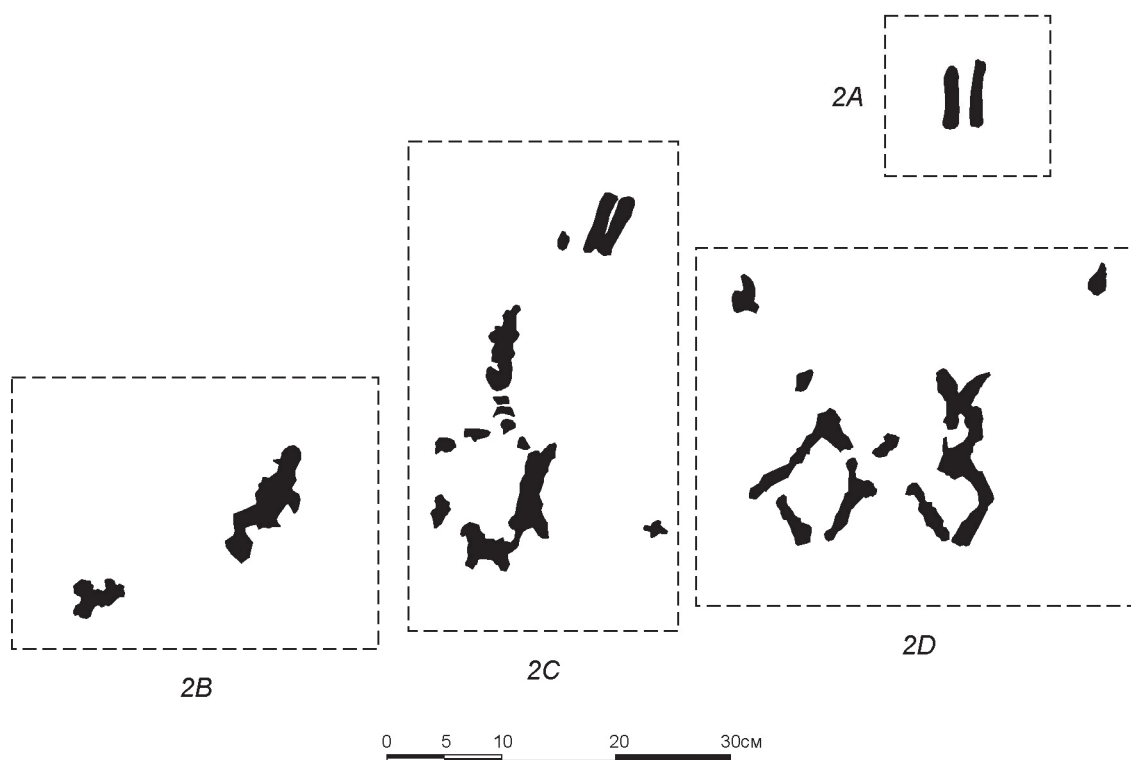

Рис. 7. Петроглифы Байкальское 14 (пункт 2, в гроте): 1 – фото скальной поверхности; 2 – петроглифы
Fig. 7. Petroglyphs of the Baikalskoe 14 (point 2, in the grotto): 1 – photo of the rock surface; 2 – petroglyphs

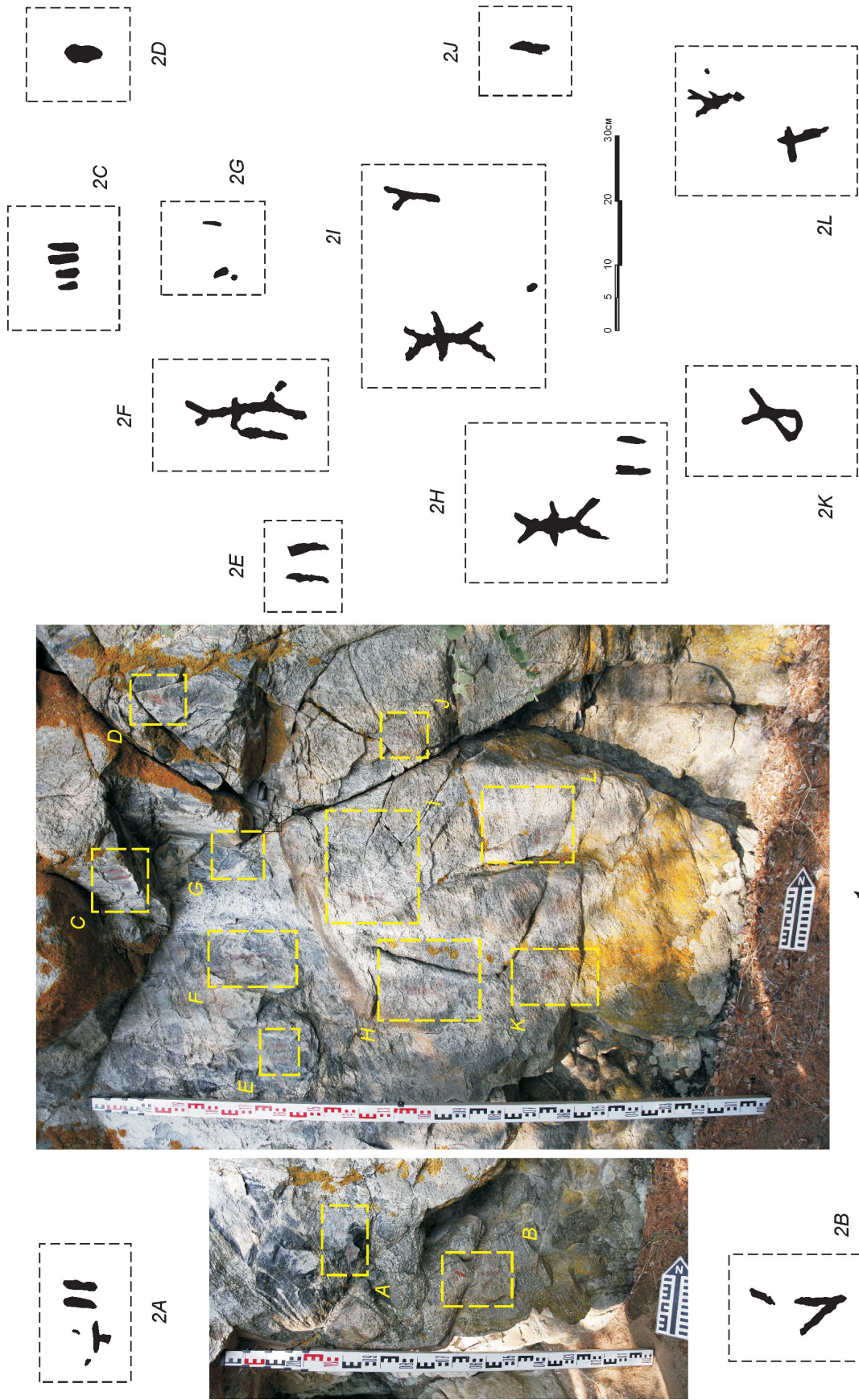

Рис. 8. Петроглифы Байкальское 14 (пункт 3, справа от грота): 1 – фото скальной поверхности; 2 – петроглифы
 Fig. 8. Petroglyphs of the Baikalskoe 14 (point 3, to the right of the grotto): 1 – photo of the rock surface; 2 – petroglyphs

Вполне возможно, что зафиксированные нами петроглифы Байкальское 14 являются лишь частью большого жертвенника. Не исключено, что в результате расчистки рыхлых отложений осыпи будет выявлен не только археологический материал, но и другие рисунки.

Обсуждение

Как известно, наскальные рисунки – петроглифы, несмотря на то, что являются отражением духовной культуры древних обществ и тем самым представляют большой интерес для археологов, все-таки остаются одним из самых трудных в плане датирования памятников древности. Это связано не только с отсутствием датирующего методом естественных наук материала, сохранностью самих рисунков, использованием древними мастерами одних и тех же плоскостей в разные хронологические периоды, но и с субъективным восприятием исследователя.

Все рисунки местонахождения Байкальское 23, за исключением спорного антропоморфного изображения, аморфные. Какой-либо определенной формой не обладают: прямые и извилистые линии, пятна. Единственное, что можно отметить наверняка, это «две вертикальные параллельные линии» – мотив, который очень часто встречается в купе с остальными петроглифами Северного Байкала. Более того, этот петроглиф, как правило, ярче всех остальных, он один из первых всегда «бросается в глаза». На этом памятнике он отмечен трижды.

На местонахождении Мыс Лударь – что характерно для всех пунктов – отсутствуют какие-либо пятна, линии и другие простые элементы, не включенные в тот или иной образ. Все рисунки законченной, определенной формы: «лодка», личина, крест, тамгообразный знак, пиктографическое изображение и «щель». Отсутствует на этом объекте и такой маркер как «две вертикальные параллельные линии», характерный для большинства петроглифов Северного Байкала. При этом каждый рисунок все-таки отделен от других – он как бы в стороне. Все они самостоятельны и, на наш взгляд, не включены в общую композицию, что, скорее всего свидетельствует о разновременности петрог-

лифов. Возможно, на этом памятнике они больше выступают в качестве маркирующих местность элементов.

Самым «богатым» на петроглифы местонахождением, конечно, является Байкальское 14. Здесь в каждом пункте отмечены довольно яркие, диагностируемые формы.

Так, самым интересным петроглифом пункта 1 является изображение животного с продолговатым телом, разделенным параллельной спине и животу линией, короткими ногами (ногой) и длинным хвостом. По морфологическим признакам, уцелевшим к моменту фиксации петроглифов, оно больше напоминает быка, бизона (?). При этом, авторы статьи на данном этапе исследований не ставят главной целью определение вида животного, что, возможно, вызвало бы много вопросов и дискуссий. Однако стоит отметить, что сам рисунок выглядит довольно архаичным. Ближайших аналогий этому изображению в пределах Байкальской Сибири нами, к сожалению, не встречено.

В пункте 2 помимо известных нам символов – «двух вертикальных параллельных линий», отмеченных дважды на этом пункте, – самым ярким является изображение тамгообразного знака, который после аналогичного изображения на памятнике Мыс Лударь является уже вторым подобным знаком, отмеченным на Северном Байкале.

Самыми диагностируемыми рисунками в пункте 3, конечно, являются антропоморфные изображения, олицетворяющие «шаманов» с характерными головными уборами. Подобных изображений всего три, они занимают центральное место в композиции: все остальные рисунки (точки, пятна, линии и др.), слабо поддающиеся интерпретации, сконцентрированы вокруг них.

Как известно, первая и впоследствии общепринятая классификация петроглифов Забайкалья была разработана А.П. Окладниковым. По сюжетным и стилистическим признакам им выделено четыре группы петроглифов: селенгинская, кяхтинская, лесная и средневековая (Окладников, Запорожская, 1969, 1970; Цыбиктаров, 2011).

Немного позже эта классификационная модель была подтверждена и отчасти дополнена

А.В. Тиваненко (1990. С. 81). В его работах она выглядит следующим образом:

1) «степные» писаницы («селенгинские»);

2) «лесные» писаницы, оставленные «селенгинскими» скотоводами во время охоты;

3) «таежные» писаницы, которые разделены на два подвида. Первые из них «смешанные» – оставлены «селенгинскими» мигрантами на рубеже эр, которые с усилением хунну в степях вынуждены были мигрировать в лесостепные северные территории и приспосабливаться к иным ландшафтам, становясь охотниками и рыбаками. Вторые «чистые» – соотносятся с предками эвенкийского населения Забайкалья и могут датироваться широким временным отрезком, начиная с неолита.

Петроглифы местонахождений Байкальское 14, Байкальское 23 и Мыс Лударь по своим сюжетным и стилистическим особенностям (даже больше в порядке исключения) более всего тяготеют к «лесным (по А.П. Окладникову) или «таежным» (по А.В. Тиваненко) петроглифам Прибайкалья. В отличие от «селенгинских» рисунков здесь отсутствуют такие маркерные сюжеты как оградки, заполненные точками/пятнами, изображения птиц и птицообразных «человечков», типичные антропоморфные изображения. Стилистика «кяхтинских» петроглифов (с элементами скифосибирского стиля) здесь и вовсе не прослеживается. От «средневековых» рисунков лударские петроглифы отличаются как по способу реализации образа (посредством охры), так и по отсутствию типичных сюжетов и изображений (всадников на конях, сцен охоты и др.).

В подкрепление такой точки зрения выступает сама специфика петроглифов остальной части таежной зоны Сибири: похожие изображения отмечены на Верхней Лене (Окладников, 1977), в Баунтовской тайге (Козулин, Зотов, 2000) и в Якутии (Кочмар, 1994).

Самым сложным все-таки остается вопрос датировки лударских петроглифов. Отнесение их к неолиту выглядит проблематичным. Самой главной причиной здесь, конечно, является отсутствие изображения лося – главного «героя» в неолитическом искусстве Сибири. Антропоморфное изображение, как правило, появляется в конце неолита,

но наибольшую популярность приобретает в эпоху бронзы. При этом изображение человека в процессе своей эволюции претерпевало ряд изменений, что неоднократно подчеркивалось исследователями (Окладников, 1977; Цыбиктаров, 2011). На ранних этапах изображение человека, как правило, всегда детализировано и стилистически оформлено (голова, торс, пальцы, половые органы и др.). Изображения «шаманов» на местонахождении Байкальское 14 (пункт 3) отличаются своей простотой, примитивностью и схематичностью, как и изображение лодки с людьми на местонахождении Мыс Лударь (пункт 1), что не позволяет датировать их даже ранним бронзовым веком. Правда, под двумя скалами с петроглифами (Байкальское 16, Байкальское 23) раскопаны жертвенники (Байкальское 15 и Байкальское 30), в нижних слоях которых обнаружены фрагменты керамики с оттисками сетки-плетенки, датируемые эпохой неолита. Наличие среди археологического материала жертвенников неолитической керамики требует дополнительного осмысления вопросов функционирования, датировки и связи двух типов археологических объектов – петроглифов и жертвенников, расположенных под ними. Возможно, что рисунки неолитического времени, нанесенные на скалы под которыми располагаются жертвенники, к настоящему времени утрачены. Хотя не исключено, что первые петроглифы появляются на них намного позже времени совершения здесь первых жертвоприношений.

Тем не менее, на данном этапе исследований, опираясь, прежде всего, на художественные особенности изображений (простота и схематичность), петроглифы местонахождений Байкальское 14, Байкальское 23 и Мыс Лударь следует отнести к «лесным» (или «таежным») петроглифам Прибайкалья и датировать в пределах широкого хронологического диапазона – в рамках позднего бронзового и раннего железного веков, что соответствует второй половине II – концу I тыс. до н. э.

Петроглифы, выполненные охрой и расположенные на скалах мыса Лударь, как и писаницы, находящиеся вдоль северо-западного берега Лударской губы, составляют единый культурно-хронологический пласт. Среди функций, которые

выполняли эти рисунки, вероятно, одной из важнейших была сакральная. Они располагаются на живописных скалах, возвышающихся над Байкалом. Сверху над петроглифами, на вершине скал находятся городища-святилища, служившие местом коллективных молений древних жителей байкальского побережья (Емельянова, Харинский, 2008; Харинский, 2016, 2017). Над петроглифами Мыс Лударь локализуется городище-святилище Байкальское 1. Кроме этого, на скальной плоскости, обрамляющей с востока утес, на котором расположено Байкальское 1, находятся петроглифы Байкальское 21. На скале над петроглифами Байкальское 14 находится городище-святилище Байкальское 5, над петроглифами Байкальское 16 – городище-святилище Байкальское 3, а над петроглифами Байкальское 17 – городище-святилище Байкальское 4 (рис. 1). Вместе с жертвенниками, располагавшимися у подножия скал с рисунками, они составляли сакральные комплексы, которые функционировали на протяжении нескольких столетий.

Заключение

Настоящая статья, конечно, не поднимает всех вопросов, связанных с таким специфическим археологическим источником как петроглифы. За рамками исследования остались проблемы семантики самих рисунков и их значение в культовой практике древнего населения Прибайкалья; не затронуты вопросы дешифровки и датировки пикто-

графического изображения (Мыс Лударь, пункт 2) и примитивных тамгообразных знаков (Мыс Лударь, пункт 1 и Байкальское 14, пункт 2), хотя последние на побережье Байкала встречены впервые. Все это обусловлено, прежде всего, самой целью исследования и допустимым объемом изложения.

Тем не менее, источниковая база по петроглифам Прибайкалья существенно пополнена новыми и весьма яркими местонахождениями. Каждый специалист, занимающийся древним наскальным искусством, найдет в данной работе что-то новое для себя. Схожесть рисунков мыса Лударь с подобными изображениями Баунтовской тайги и Якутии в целом только лишь подкрепляет высказываемую неоднократно ранее точку зрения о контактах (или взаимовлиянии) насельников северо-западного побережья Байкала с северными таежными территориями. Вместе с тем, период позднего бронзового – раннего железного века северного побережья Байкала теперь приобретает еще и духовную составляющую. В будущем остается лишь расшифровать древние образы, которые, несомненно, в той или иной степени являются отражением окружающей человека в далеком прошлом действительности – реальной и нереальной.

Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РГНФ научного проекта №15-31-01018 «Северное побережье Байкала в эпоху раннего металла».

Статья поступила 10.12.2017 г.

Article was received in December, 10, 2017

Библиографический список

Емельянова Ю.А., Харинский А.В. Древнейшее городище-святилище на побережье озера Байкал // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2008. Вып. 6. С. 145–166.

Козулин В.Н., Зотов А.Н. Наскальные рисунки озера Баунт (предварительное сообщение) // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного педагогического университета, 2000. Вып. 2. Ч. 2. С. 196–198.

Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. Новосибирск : Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 1994. 262 с.

References

Emel'yanova Yu.A., Kharinskii A.V. The oldest fort-sanctuaries on the shore of Lake Baikal. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2008, iss. 6, pp. 145–166. (In Russian).

Kozulin V.N., Zotov A.N. Rock drawings of Lake Baunt (preliminary report). *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti* [Baikal Siberian ancient times]. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University Publ., 2000, iss. 2, pt. 2, pp. 196–198. (In Russian).

Kochmar N.N. *Pisanitsy Yakutii* [Petroglyphs of Yakutia]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1994. 262 p.

Лбова Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, 1999. 241 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья : в 2 ч. Л. : Наука, 1969. Ч. 1. 217 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья : в 2 ч. Л. : Наука, 1970. Ч. 2. 264 с.

Окладников А.П. Петроглифы Верхней Лены. Л. : Наука, 1977. 322 с.

Памятники археологии. Улан-Удэ : НоваПринт, 2011. 392 с. (Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия; т. 2).

Тиваненко А.В. Древние наскальные рисунки Забайкалья. Итоги археологической экспедиции в 1978 году // Архив Института археологии Российской академии наук (ИА РАН). Р.1. № 7040. Улан-Удэ, 1979. 178 с.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1989. 202 с.

Тиваненко А.В. Древнее наскальное искусство Бурятии: Новые памятники. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1990. 208 с.

Харинский А.В. Городища-святилища северо-западного побережья озера Байкал: размещение, структура и конструктивные элементы // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая : материалы VII Международной научной конференции : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2016. С. 276–283.

Харинский А.В. Городища-святилища в структуре сакральных представлений народов Северо-Восточной Азии // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе : сборник научных статей : в 3 т. / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2017. Т. 2. С. 142–147.

Хлобыстин Л.П. Отчет об археологических разведках, проведенных на побережье озера Байкал в 1964 году // Архив Института археологии Российской академии наук. Р.1. № 3142. Ленинград, 1965.

Цыбиктаров В.А. Петроглифы Забайкалья / отв. ред. В.И. Молодин. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2011. 276 с.

Lbova L.V., Khamzina E.A. *Drevnosti Buryatii. Karta arkheologicheskikh pamyatnikov* [Antiquities of Buryatia. Map of archaeological sites]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999. 241 p.

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. *Petroglify Zabai-kal'ya* [Petroglyphs of Transbaikalia]. Leningrad: Nauka, 1969. Pt. 1. 217 p.

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. *Petroglify Zabai-kal'ya* [Petroglyphs of Transbaikalia]. Leningrad: Nauka, 1970. Pt. 2. 264 p.

Okladnikov A.P. *Petroglify Verkhnei Leny* [Petroglyphs of Upper Lena]. Leningrad: Nauka, 1977. 322 p.

Pamyatniki arkheologii [Archaeological sites]. Ulan-Ude: NovaPrint Publ., 2011. Collection of sites of cultural heritage of the Republic of Buryatia; vol. 2. 392 p.

Tivanenko A.V. *Drevnie naskal'nye risunki Zabaikal'ya. Itogi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1978 godu* [Ancient rock petroglyphs of Transbaikalia. Results of the archaeological expedition in 1978]. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk. R. 1. № 7040. [Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. P. 1. No. 7040]. Ulan-Ude, 1979, 178 p.

Tivanenko A.V. *Drevnie svyatilishcha Vostochnoi Sibiri v epokhu kamnya i bronzy* [Ancient sanctuaries of Eastern Siberia in the Stone and Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1989. 202 p.

Tivanenko A.V. *Drevnee naskal'noe iskusstvo Buryatii: Noveye pamyatniki* [Ancient Rock Art of Buryatia: New Sites]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990. 208 p.

Kharinskii A.V. Fort-sanctuaries of the North-Western Coast of Lake Baikal: accommodation, structure and construction elements. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikalskoi Sibiri i Severnogo Kitaya : materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii : v 2 t. T. 1* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: proceedings of the VII International Scientific Conference. In 2 vol.]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 2016, vol. 1, pp. 276–283. (In Russian).

Kharinskii A.V. Fort-sanctuaries in the structure of sacral representations of the peoples of North-East Asia. *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurikhe : sbornik nauchnykh statei : v 3 t.* [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha. A collection of scientific articles: in 3 vol.]. Barnaul: Altai University Publ., 2017, vol. 2, pp. 142–147. (In Russian).

Khlobystin L.P. Report on archaeological surveys conducted on the coast of Lake Baikal in 1964. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk. R.1. № 3142 [Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. R.1. № 3142]. Leningrad, 1965. (In Russian).

Tsybiktarov V.A. *Petroglify Zabaikal'ya* [Petroglyphs of Transbaikalia]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2011. 276 p.

Сведения об авторах

Кичигин Дмитрий Евгеньевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: kichkok@rambler.ru

Коростелев Алексей Михайлович,

научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: alex-korostelev@yandex.ru

Харинский Артур Викторович,

доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: kharinsky@mail.ru

Критерии авторства

Д.Е. Кичигин, А.М. Коростелев и А.В. Харинский выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись и иллюстрации к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Dmitrii Ye. Kichigin,

PhD, associate professor of the Department of history and philosophy, staff of the Laboratory of archaeology, paleoecology and subsistence of peoples of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation, e-mail: kichkok@rambler.ru

Aleksei M. Korostelev,

staff of the Laboratory of archaeology, paleoecology and subsistence of peoples of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation, e-mail: alex-korostelev@yandex.ru

Artur V. Kharinskii,

doctor of science, professor, director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation, e-mail: kharinsky@mail.ru

Attribution criteria

Kichigin D.Ye., Korostelev A.M. and Kharinskii A.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, they owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.